

Д. І. КРАЧКОВСКИЙ.

ПАЛИТРА.

СТИХИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

—
1917.

Д. І. КРАЧКОВСКИЙ.

ПАЛИТРА.

СТИХИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

—
1917.

Дозволено Военной цензурой. Петроградъ, 1 сентября 1916 г.

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ
МОЕГО НЕЗАБВЕННОГО ОТЦА И ДРУГА, АКАДЕМИКА
І. Е. КРАЧКОВСКАГО.

I.

Въ тотъ часъ, когда въ душѣ угасъ почти совсѣмъ
Неповторимый бредъ вчерашняго порыва,—
Какъ медленны тогда созвучія поэмъ,
Какъ грусть полутоновъ особенно красива...

Душѣ, уставшей жить въ безуміи быломъ,
Еще дороже жить почти неувовимо...
— О, только для того и стоитъ быть огнемъ,
Чтобъ въ воздухѣ потомъ растаять легкимъ дымомъ!..

Въ глазахъ твоихъ почти нездѣшная печаль.
И вотъ мои глаза печальны тоже сю.
Я душу всю твою хотѣлъ бы взять; мнѣ жаль,
Что позволяешь ты...—и что я не сумѣю...

Безумно сказочно, мучительно свѣтло
Мнѣ кажется всегда все то, что мной любимо,
И сколько чудныхъ грезъ поэтому прошло,
Едва задѣвъ меня, едва отдавшись... мимо.

Какъ много тонкихъ рукъ я могъ бы взять въ свои,
Когда бъ я только былъ не такъ всегда печаленъ!
Я знаю, сколько ихъ стихи мои вплели
Въ узоръ вечернихъ снодь своихъ прозрачныхъ
спаленъ...

Я знаю хорошо, я знаю наизусть,
Всю робость грезъ моихъ и всю мою небрежность,
Слова, которыхъ я жалѣлъ развѣять грусть,
Разлуки, чью не смѣлъ убить я неизбѣжность.

Я помню (я еще ребенкомъ былъ тогда)
Сверкающій заливъ и неба куполь синій,
И дачу, гдѣ я жилъ, и море, гдѣ вода
Смывала желтыхъ пчель съ нагнувшихся глициній..

Я помню, я любилъ ихъ приторныхъ двѣтовъ
Орнаментъ трепетный,—любилъ одно ихъ имя;
Какъ часто былъ тогда я ихъ сорвать готовъ,
И унести къ себѣ и надышаться ими...

И вотъ я до сихъ поръ не знаю отчего:
Боязнь ли сторожа, отъѣздъ ли нашъ случайный,—
Но я не тронулъ ихъ, изъ дѣтства моего
Ихъ образъ унеся, томительный и тайный.

Я вспоминаю васъ, глицинии весны!
Я для вопросовъ всѣхъ нашелъ печаль отвѣтовъ,
И для меня теперь вы властно сплетены
Съ туманной чередой неясныхъ силуэтовъ.

И вашихъ гроздїй тонъ и странный вашъ изгибъ
Теперь слились во мнѣ,—и виноваты вы же!—
Съ руками, что вчера меня обнять могли бѣ,
Съ глазами, что въ мой смотрѣть хотѣли ближе,

Со всѣмъ, что я любилъ и между тѣмъ не смѣлъ
Назвать моимъ, со всѣмъ, что быть моимъ могло бы!
Кто знаетъ?.. можетъ быть я самъ того хотѣлъ...
Я вспомню это все уже почти безъ злобы...

Почти... И только сны вечерніе мои
Печалить будетъ тѣнь сплетенныхъ вашихъ линій:
Глицини,—моей прообразы любви,
И женщины,—моихъ прообразы глициній!

UN PASTEL.

Ей скучно повторять заученныя гаммы.
Ее зоветъ весна, игрушки, спящій садъ.
А тутъ ей только вѣчно говорятъ:
«Жинетта, вы лѣннывы, вы упрямы!»

«Вы не умѣете держаться даже прямо!»
И легкая печаль туманить дѣтскій взглядъ...
— Ее зоветъ весна, игрушки, спящій садъ.
Ей скучно повторять заученныя гаммы.

Межъ ставень полосой вѣрвался яркій свѣтъ:
Онъ зажигаетъ столъ, забытыхъ розъ букетъ
И кудри свѣтлыя склонившейся головки.

На сумракѣ стѣны темнѣетъ рядъ картинъ,
И подъ рукой небрежною и легкой
Разсказываетъ сказки клавесинъ.

**Вамъ странно, отчего послѣдній разговоръ,
Который Вы со мной теперь имѣть хотите,
Назначилъ я Вамъ такъ невѣжливо,—простите,—
На улицѣ... Какой необъяснимый вздоръ!**

**Но слушайте: теперь зима; пушистый иней
Обрисовалъ давно перила у мостовъ;
На набережной и въ аллеяхъ острововъ
Снѣгъ—утромъ золотой, а вечерами—синій.**

**Теперь уже зима. А знаете, зимой,
На улицѣ, гдѣ жизнь поспѣшна и случайна,
Все кажется одной необъяснимой тайной;—
Пусть ею будетъ Вамъ послѣдній образъ мой.**

Тамъ, въ яркой тишинѣ гостиной освѣщенной,
Я не сумѣлъ бы скрытъ отъ Васъ мою печаль,—
Я, написавшій Вамъ, что мнѣ почти не жаль
Любви исчезнувшей и дружбы расплетенной.

Я тамъ казался бы и страненъ и смѣшонъ.
А здѣсь... Вы ничего здѣсь не поймете точно!
Кто знаетъ, почему, случайно иль нарочно,
Воротникомъ пальто мой голосъ заглушенъ?

Кто знаетъ, просто ли сейчасъ я остушился,
Когда я съ Вами шелъ по скользкому мосту,—
Иль понялъ, что пора убить мою мечту
И этой же мечтѣ въ послѣдній разъ молился?

Кто знаетъ, для того ль въ карманы я сейчасъ,
Чтобъ только ихъ согрѣть—свои засунулъ руки,
Иль я сжимаю ихъ отъ злобы или муки,
Что ими удержать я не сумѣю Васъ?

Кто знаетъ, отчего я на прощанье мало
Скажу Вамъ,—нѣту силъ иль фразы не слышны?
Поэтому иль нѣтъ глаза мои грустны?
И что это: слеза иль просто иней талый?..

Въ тотъ день, когда судьба разъединяетъ власти
Двоихъ, которые хотѣли бы напрасно,
Хотя бъ на нѣсколько часовъ еще, продлить
Давно любимыхъ грезъ невидимую нить;
Когда судьба двоихъ уводитъ безъ возврата
Отъ забытыхъ сновъ недавняго «когда-то»
Путями разными въ невѣдомую даль,—
Она на нихъ двоихъ даетъ одну печаль.
И раздѣлить ее, одну, между собою
Они должны тогда, какъ знаютъ,—и порою
Съ собою равную уносить каждый часть;
Но если новымъ сномъ уже другая власть
Кого-нибудь изъ двухъ коснется по дорогѣ,—

Другой, въ безумномъ снѣ, въ мучительной тревогѣ,
Надолго, можетъ быть, въ загадочную даль
Въ однихъ своихъ глазахъ уносить всю печаль.

Мой другъ, я помню самъ, что разставаясь съ Вами
Я встрѣтилъ грустный взглядъ печальными глазами.
Я знаю, поровну тогда между собой
Мы раздѣлили грусть. Но длинной чередой
Съ тѣхъ поръ прошли года въ душѣ моей усталой.
И вотъ съ недавнихъ поръ и мнѣ казаться стало,
Что прежняя печаль въ глазахъ моихъ сильнѣй.
Не потому ли, другъ, что промелькнувшихъ дней
Для Васъ теперь уже туманнѣй очертанья?
Не потому ли, другъ, что Ваша часть страданья
Изъ Вашихъ перешла во взглядъ моихъ очей?
О, скоро, можетъ быть черезъ немного дней—
Вы все забудете! А я...—а я невольно,
Но зная, почему мнѣ такъ безумно больно,
Съ собою унесу въ глазахъ моихъ,—о пусть!—
Всю грусть... Всю эту грусть... Всю эту нашу грусть!..

Душа моя—вечерняя гондола
На зеркаль опаловомъ канала,
И фельцъ ея, снаружи безъ узора,
Внутри обить матерією алой.

Ее ведетъ какой-то странный кормчій,
Всегда печальный и всегда влюбленный,
И пѣснь его то тише, и то громче
Въ ночной тиши лагуны полусонной.

Душа моя—вечерняя гондола
На зеркаль опаловомъ канала.
Она увозитъ мимо Санъ-Паоло
Усталыхъ женщинъ съ конченнаго бала.

За силуэтъ небрежный или строгій,
За чистоту или грѣховность зора,
Она во всѣхъ нихъ влюблена немного—
И всѣ ее забудутъ слишкомъ скоро.

Въ часы разсвѣта иль въ часы заката,
Когда томить неясная истома,
Она какой-то грезю объята,
Къ чему-то невозможному влекома.

Ее зовуть, зовуть далеко въ море
И крылья чаекъ и волны опасность,
Но странный кормчій съ грустію во взорѣ
Ея полета сдерживаетъ властность.

Ей не видать безбрежность синей дали,
Ей не дышать соленой пылью пѣны:
Ей суждено на блекнущемъ каналѣ
Сѣдыхъ дворцовъ стеречь нѣмые стѣны.

Ей суждено услышать только сказки
Забитыхъ гіо, струнь гитары пѣнье;
Ей суждено узнать однѣ лишь ласки
Улыбки, взгляда и прикосновенья,

И близъ пьестеты, у пустого мола,
Грустить о томъ, что это слишкомъ мало...

На зеркалѣ вечерняго канала
Моя душа—вечерняя гондола...

Въ этотъ снѣгъ и вьюгу, въ этотъ страшный холодъ
Мнѣ еще родище, мнѣ еще милѣй
Тотъ букетъ фіалокъ, что сейчасъ приколотъ
На мѣху пушистомъ у груди твоей.

Пусть оно жестоко, можетъ быть, немного,
Пусть цвѣты завянутъ раньше чѣмъ всегда,—
Осудить я это не сумѣю строго,
На вопросъ объ этомъ не отвѣчу «да».

Твой букетъ напомнилъ легкими цвѣтами
Ту любовь, которой жизнь моя полна:
Какъ и въ немъ, въ ней столько грусти временами,
Какъ и онъ, порою, такъ проста она.

Какъ и онъ, завянетъ безконечно скоро,
Какъ и онъ, безцѣльна даже, можетъ быть;
Разставаясь тихо съ ихъ двойнымъ узоромъ,
Я ее сумѣю, какъ его, забыть.

Но я знаю, все же, что она недаромъ
Грустью напоила взглядъ моихъ очей,
Что она мнѣ будетъ самымъ лучшимъ даромъ,
Самой лучшей сказкой юности моей,

Что она даетъ мнѣ безконечно много,
Что, благодаря лишь только ей одной,
Я пройду сумѣю долгою дорогой
Съ чѣмъ-то очень свѣтлымъ въ памяти больной.

И что чувство это въ этотъ страшный холодъ
Мелкихъ увлеченій и пустыхъ страстей—
Тотъ букетъ фіалокъ, что сейчасъ приколотъ
На мѣху пушистомъ у груди твоей.

Меня безумно злитъ Вашъ пестрый арлекинъ!
Вы любите его печальными глазами...
Скажите, отчего онъ такъ обласкайъ Вами?
Онъ недостоинъ Васъ, царица коломбинъ!

Пусть вмѣстѣ вы сошли со стершихся картинъ:
Ужимки и прыжки нельзя любить годами!
Сознайтесь, вѣдь уже онъ былъ несносенъ въ рамѣ!
Онъ такъ шокируетъ мой поэтичный сплинъ!

Онъ беззаботенъ, пусть, его апломбъ безмѣренъ;
Вы не находите? — Онъ слишкомъ въ Васъ увѣренъ!
Я вызову его сегодня на дуэль!..

Мы будемъ драться тамъ, у длинной балюстрады,
Въ разсвѣтномъ воздухѣ, туманномъ какъ пастель...
И буду я убить... — И будете Вы рады.

Какъ мало бѣлыхъ розъ осталось для тебя
Въ душѣ моей, душѣ моей мятежной!
Однѣ я подарилъ, любя и не любя,
Другія сорваны безцѣльно и небрежно.

Кто можетъ запретить проснувшейся веснѣ
Цвѣты свои дарить безъ отдыха и счета?
Вся молодость моя принадлежала мнѣ.
Я не сумѣю въ ней отдать тебѣ отчета.

Теперь, когда душѣ понятнѣй и больнѣй
Всѣ эти первыя, безумныя утраты,
Когда ея цвѣты вѣтрами долгихъ дней
Такъ безсознательно и такъ безцѣльно смяты,

Когда моя мечта опять горитъ огнемъ,
А бѣлыхъ розъ въ груди осталось слишкомъ мало—
Мнѣ грустно, что въ своемъ безумьи роковымъ
Ихъ молодость моя такъ щедро раздавала!

— Последніе цвѣты въ груди моей горятъ...
Я ихъ отдать забылъ или ихъ сорвать забыли?
— Прости, что я дарю ихъ грустный ароматъ
Въ обменъ за чистоту твоихъ весеннихъ лиліі!

Прости, что лучшаго тебѣ я не принесъ,
И что для твоего вѣнчальнаго букета
Въ груди моей не хватитъ бѣлыхъ розъ...
— Прости меня, прости меня за это!..

Е Я П И С Ь М А .

Я помню,—я ихъ зналъ когда-то наизусть,
И самому себѣ я повторялъ повсюду
Ихъ фразъ несбыточныхъ доврчивую грусть...
Я ихъ почти забылъ,—я ихъ совсѣмъ забуду...

Теперь они лежатъ на письменномъ столѣ,
Но бросить ихъ въ огонь мнѣ не хватаетъ силы.
— Пускай они порой почти чужія мнѣ,
Пускай порою мнѣ они почти не милы,

Пускай созвучья ихъ для сердца моего
Почти утрачены, почти уже неясны,—
Я оставляю ихъ...—хотя бы для того,
Чтобъ какъ-нибудь потомъ найти ихъ бредъ напрас-
ный,

Чтобъ ими разбудить мою былую грусть,
Ихъ тихимъ шелестомъ напомнить трепеть дальній,
И лишній разъ сказать съ улыбкою печальной:
«Я помню,— я ихъ зналъ когда-то наизусть...»

II.

Муза Дальних Странствій...

Н. Гумилевъ.

Уйти, уйти отъ всѣхъ! На Гарда или Кома,
Въ деревнѣ, въ комнатѣ съ распахнутымъ окномъ
Жить одному! Мечтать! Не думать ни о комъ!
Почти-что никогда не оставаться дома!

Забить, что гдѣ-то есть далекіи силуэты,
Чью тѣнь мои глаза любили и искали;
Влюбиться въ шопотъ водъ и въ ширь лазурной дали,
На почту не ходить и не читать газетъ.

Отъ ласковой зари до яркаго заката
Бродить въ густой тѣни покинутыхъ садовъ,
И съ грустью понимать, что слишкомъ мало словъ,
Чтобъ объяснить все то, чѣмъ сердце такъ богато.

А тихимъ вечеромъ, когда на глади водъ
Огней береговыхъ играютъ отраженья,—
На пристань уходить, чтобъ видѣть на мгновенье
Съ другого берега зашедшій пароходъ.

На низкой палубѣ, гдѣ образы неясны,
Гдѣ лампы тускляя даютъ неяркій свѣтъ,
Найти какой-нибудь случайный силуэтъ,
И полюбить его безцѣльно и напрасно.

По узкимъ улицамъ уйти къ себѣ, домой,
Съ душою радостной и грустною улыбкой,
И у чужихъ воротъ, въ тѣни оливы гибкой,
Заслушаться до слезъ какой-нибудь плохой,

Какой-нибудь плохой, ненужной, старой скрипкой...

В Е Н Е Ц И Я.

Простора шумнаго сверкающей пьядетты
Милѣ улицъ мнѣ забытыхъ тишина.
Въ нихъ столько предѣсти!—и вновь покорена
Ихъ лаской тихою печаль души поэта.

Ихъ тѣнь зоветъ меня, и въ мягкомъ полусвѣтѣ
По плитамъ скошеннымъ и узкимъ ступенямъ
Иду, иду впередъ, куда?—не знаю самъ,
И радость тихая звучитъ въ моемъ отвѣтѣ.

Вотъ улица одна окончилась. Подъемъ
На стройный мостъ. Минутный свѣтъ кругомъ;
Внизу—зеленыхъ водъ канала плескъ печальный.

Одинъ.. И въ тишинѣ такъ ласково звенитъ
И этотъ тихій плескъ о дремлющій гранитъ,
И монотонный крикъ гребцовъ гондолы дальней.

DAVOS, AROSA, LEYSIN...

.I. A. 3.

Я знаю дѣвушекъ: однѣ онѣ живутъ
Въ безцвѣтныхъ комнатахъ швейцарскихъ санаторій.
Онѣ недавно лишь пріѣхали и вскорѣ
Уйдутъ, какъ тѣ ушли, что жили прежде тутъ.

Скажите это имъ,—онѣ васъ не поймутъ.
Довѣрье дѣтское въ ихъ обреченномъ взорѣ.
Онѣ повторятъ вамъ въ прощальномъ разговорѣ,
Что васъ онѣ къ себѣ,—ну, скажемъ, въ Лондонъ,—
ждутъ.

Обѣдъ ихъ въ шесть часовъ. Онѣ ложатся рано.
Цвѣтные томики французскаго романа
Сидѣлка отберетъ и спрячетъ подъ замокъ.

Досадно и смѣшно. Бранятся, хмурятъ брови,—
И пробуютъ заснуть, прижавъ къ губамъ платокъ,
Въ которомъ иногда бываютъ пятна крови.

Profils perdus
Paul Bourget.

Въ Ментонѣ, Ко, Флоренціи, Довилѣ
Или въ Mont d'Or?
Въ Паласъ-отель, въ отель Регина или
Въ отель Виндзоръ?

Въ трамваѣ, паркѣ, hall'ѣ иль гостиныхъ,
И сколько разъ,
Въ былые дни моихъ поѣздокъ длинныхъ
Встрѣчалъ я васъ?

Вы были всюду та же и не та же,
И я не зналъ,
Знакомъ ли я былъ съ вами или даже
Васъ не видалъ.

Вы были то блондинкой, то брюнеткой,
И я привыкъ
Слышать подъ вашей спущенной вуалеткой
Чужой языкъ.

Порою вы печальной миѣ казались,
Зато потомъ
Вы такъ безумно весело смѣялись
Надъ пустякомъ.

И миѣ печаль или радость вашей рѣчи
Была мила...
То кружева ласкали ваши плечи,
То шеншила...

Вы каждый разъ другихъ духовъ любили
Цвѣтную пыль:
Вы l'Origan въ два дня перемѣнили
На Roses de Nil.

Лишь иногда, въ обмѣнѣ неизбежномъ
Банальныхъ фразъ,
Обманы словъ, безцѣльныхъ и небрежныхъ,
Сближали насъ.

Зато порой, не обмѣнявшись взглядомъ,
Мы по часамъ
Въ иномъ кафе сидѣли съ вами рядомъ
По вечерамъ...

Всегда въ плѣну моей мечты неясной,
Въ семнадцать лѣтъ
Я полюбилъ надолго и напрасно
Вашъ силуэтъ.

Какъ много вамъ элегій и печали
Я подарилъ!
О, если бъ вы хотя немного знали,
Какъ я любилъ!

Но грусть моя васъ каждый разъ теряла
То тамъ, то тутъ...—
Вѣдь насъ судьба всегда соединяла
На пять минутъ!

Но я привыкъ къ печали безотчетной
Подобныхъ встрѣчъ,
И я сумѣлъ вашъ образъ мимолетный
Въ груди сберечь...

Въ какой странѣ, въ какомъ отелѣ шумномъ,
Въ который разъ,
Влюбленный въ васъ безцѣльно и безумно
Я встрѣчу васъ?

Въ café Regence, на rio di Foscari,
На rue Gounod?
Въ bois de Boulogne, въ уютномъ sleeping car'ѣ,
Иль въ казино?

Въ Ментонѣ, Ко, Флоренціи, Довилѣ
Или въ Mont d'Or?
Въ Паласъ-отель, въ отель Регина или
Въ отель Виндзоръ?

Для вазъ, тончайшихъ вазъ чудеснаго Челлини,
Вънчавшихъ славою печаль его чела,
Сама Италія съ улыбкою дала
Живую красоту своихъ волшебныхъ линій:

Изгибъ стѣны, рисунокъ стройныхъ пиній,
Неясный силуэтъ забытаго дворца
И трепетный узоръ садовъ, гдѣ безъ конца
Горитъ орнаментъ розъ, азалій и глициній.

Ему подарены, и въ блескѣ вазъ живутъ,
Отъ Крмо—аметистъ, отъ Капри—изумрудъ,
А пурпурный закатъ на зеркалѣ Канала,

На гіо спутанныхъ Венеціи мосей—
Въ изгибахъ легкихъ вазъ, среди другихъ камней,
Горитъ созвучіемъ рубина и опала.

Ты помнишь?—мы были въ Версалѣ
Въ осенній задумчивый день.
Мы шумный Парижъ промѣняли
На эту безшумную тѣнь.

Ты помнишь, какъ сѣрѣя стѣны
Насъ вывели въ вянущій садъ?
Какъ ты покупала мадлэны,
Какъ ты не хотѣла назадъ?

Въ аллеяхъ листы монотонно
Летѣли съ деревьевъ къ землѣ,
Въ замолкшихъ фонтанахъ Латоны
Грустили на желтомъ коврѣ.

И тамъ, гдѣ туманный и глуше,
Гдѣ все въ неразбуженномъ снѣ,—
Нашли мы этюды la-Touch'a
Въ сонетахъ Henri de Regnier.

Въ бассейна безтрепетномъ лонѣ
Твой образъ терялся и гасъ.
На этомъ загадочномъ фонѣ
Все было загадкой для насъ.

Ты помнишь? Въ уютной коляскѣ
На нашемъ обратномъ пути
Мы только молчали, какъ въ сказкѣ,
Мы словъ не хотѣли найти.

Все то, что вернуться могло бы
Намъ было такъ трепетно жаль,—
И послѣ мы поняли оба,
Что мы полюбили Версаль.

ВЪ САДУ ОДНОЙ ИЗЪ СТАРЫХЪ ВИЛЛЪ, НА КОМО.

«Да, этотъ садъ дастъ не мало мнѣ хлопотъ!
«Какъ только умерла графиня, сынъ графини
«Въ Парижъ уѣхалъ; тамъ живетъ онъ и понынѣ;
«Не вижу я его уже который годъ.

«Все пишетъ только мнѣ: убавь, убавь расходъ.
«Живетъ онъ широко; читалъ о немъ въ газетѣ.
«И вотъ пришлось совсѣмъ забросить розы эти,
«А жалко:—кое-какъ весь садъ теперь растеть!..»

Садовникъ замолчалъ... Спускалася прохлада...
Аллеи узкія покинутаго сада
Грустили въ сумракѣ вечерней тишины..

Кусты послѣднихъ розъ ко мнѣ склонились ниже,
И мнѣ послышалось: «мы умереть должны:—
«Цвѣты оранжерей такъ дороги въ Парижѣ!».

АМАЛЬФИ. МОНАСТЫРЬ.

Сквозь рамку бѣлую старинной колоннады
И вѣтви пыльные скучающихъ оливъ
Сверкаетъ небосклонъ, и городъ, и заливъ,
Къ которому сойти зовутъ ступени сада.

Быть можетъ тамъ, внизу, и воздухъ и прохлада,
Но солнца южнаго такъ радостенъ призывъ,—
И жалко двигаться... Сегодня я лѣнивъ;
Мнѣ чудно хорошо, мнѣ ничего не надо...

И мнѣ мерещится сквозь дымку сновъ моихъ
Какой-нибудь монахъ, который межъ другихъ
Здѣсь такъ же сиживалъ и такъ же спалъ навѣрно.

Въ дни жаркіе, пыхтя, сосалъ большой лимонъ,
Дарами прихожанъ смущалъ невѣрныхъ женъ
И въ келію таскалъ изъ погреба фалерио.

Вы въ hall'ѣ моего отеля
Сегодня были въ пять часовъ;
Пройдя по бархату ковровъ,
Вы на одно изъ кресель сѣли.

Вы двѣ газеты просмотрѣли,
Пока швейцаръ, безъ лишнихъ словъ,
Принесъ вамъ списокъ всѣхъ жильцовъ
За двѣ послѣднія недѣли.

И надъ бумагой небольшой
Вы наклонились. Порой
Вашъ взоръ туманился заботой.

Вы просмотрѣли, не нашли,
Вздыхнули, встали и ушли...—
Я полюбилъ васъ отчего-то!..

ФЪБЕЗМЕ. МОНАСТЫРЬ СВ. ФРАНЦИСКА.

Какъ ни старался я монаху объяснить,
Что годъ тому назадъ, свободно, безъ преграды,
По узкимъ келіямъ и по аллеямъ сада
Часами цѣлыми одинъ я могъ бродить,—

Меня не согласился онъ пустить;
И отвернулся я съ невольною досадою.
О, только пять минутъ,—мигъ большаго не надо!
За пять минутъ я все успѣю пережить!

Но онъ захлопнулъ дверь, и только на мгновенье
Увидѣлъ я аллей знакомыхъ направленье,
Колодець съ розами, узоръ сѣдыхъ оливъ

И ту скамейку, гдѣ съ безумною печалью
Я столько разъ мечталъ, о мѣрѣ позабывъ,
Глядя, какъ небосклонъ сливался съ синей далью...

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИТАЛІИ.

О, эти мелкія, прелестныя детали
Побѣдокъ! Реализмъ межъ этихъ вѣчныхъ сновъ!
Журналъ, потерянный въ тиши пустыхъ садовъ;
Билетъ, украденный въ Болоньѣ на вокзалѣ;

Лимонъ, зацѣпленный гондолой на каналѣ;
Мошенникъ, знавшій пять неслыхныхъ русскихъ словъ;
Плохой бенедиктинъ въ Орвьето; семь часовъ,
Что въ Кьюзи, кажется, мы пересадки ждали...

Воспоминанія еще недавнихъ дней,
Картины лучшія Италіи моей,—
Простите!—въ памяти я васъ поставлю рядомъ

Съ мальчишкой, что просилъ подачки битый часъ,
Съ ризотто спорченнымъ, и этимъ псомъ, что разъ
Я въ Тиволи кормилъ швейцарскимъ шоколадомъ!

III.

Печаль моихъ стиховъ я посвятилъ давно
Глазамъ задумчивымъ, глазамъ печальнымъ вашимъ.
Имъ было, помнится, въ моихъ читать дано:
Они поэтому еще мнѣ были краше.

Теперь вы далеко... Я знаю, вы уже
Забыли обо мнѣ. А я...—сознаться больно,—
Но сердце новымъ снамъ и новой госпожѣ
Молилося не разъ, хотя бы и невольно.

— Быть можетъ, какъ-нибудь случайно къ вамъ
дойдетъ

Та книга, гдѣ мои заставлю вянуть пѣсни,
И вашъ забывшій взоръ съ досадою прочтетъ,
Что кто-то для меня былъ даже вась престнѣй.

И будетъ странно вамъ. Среди знакомыхъ строкъ
Вамъ что-то станетъ вдругъ безумно незнакомо;
И вы прошепчете: «онъ такъ писать не могъ!
«Я вмѣстѣ никогда съ нимъ не жила на Комо!

«Я говорила «Вы»! Мои не тѣ мѣха!
«Фиалокъ никогда я не ношу весною!»
Но что-то вдругъ блеснетъ сквозь диссонансъ стиха
Какой-то ласкою знакомою, родною...

И это чуждое для васъ по временамъ
Вамъ такъ покажется на прежнее похоже,—
И не поймете вы... Поймите же, что все же
Печаль моихъ стиховъ я посвящаю вамъ!..

У Музы моей золотистыя кудри,
Небрежный и ласковый взгляд;
Туманныя слезы плавенныхъ жемчужинъ
На пальцахъ усталыхъ горять.

Она не одѣта въ прозрачныя ткани
Иль въ яркихъ матерій узоръ;
На ней, какъ въ простомъ современномъ романѣ,
Отъ Ворта закрытый tailleur.

Какой-нибудь камень, чудесный и рѣдкій,
Въ ея не играетъ кудряхъ.
Черты закрываетъ густая вуалетка,
Перчатки на тонкихъ рукахъ.

Весеннихъ фіалокъ букетъ ароматный
Прикомоть къ ея шеншила; —
Она непослушна... она непонятна...
Она безконечно мила...

По цѣлымъ недѣлямъ порою, быть можетъ,
Ко мнѣ не заходитъ она;
Тогда мое сердце почти не тревожитъ
Миражъ мимолетнаго сна.

Бездѣльно проходятъ часы за часами,
Мой вечеръ мучительно тихъ,
И я разрываю, листы за листами,
Начала элегій моихъ.

Но часто, въ часы одинокихъ мечтаній,
Когда за рабочимъ столомъ
Я жду невозможныхъ и странныхъ свиданій,
Скучаю, не зная о комъ:

Когда въ моемъ сердцѣ сильнѣе рыдаетъ
Печаль непонятнаго сна, —
Я слышу, какъ двери она отворяетъ,
Я вижу, какъ входитъ она.

Съ небрежной улыбкой, съ насмѣшливымъ взгля-
домъ,

Она,—и я это хочу!—
Садится со мною доврчиво рядомъ,
Плечомъ прикасаясь къ плечу.

Упрямые кудри лѣниво отводить,
Снимаетъ перчатку свою,
По бѣлой бумагѣ внимательно водить
Послушную руку мою.

И я отдаюсь мимолетнымъ миражамъ,
И долго, близка и нужна,
Слова за словами, за фразами фразы
Мнѣ тихо диктуетъ она...

И вечеръ проходить, и сказкою хмурой
Играетъ метель за окномъ.
Высокая лампа въ плѣну абажура
Горитъ одинокимъ пятномъ.

Неясною лаской, истомой невнятной
Касается дрема чела,
И легкихъ фіалокъ букетъ ароматный
Груститъ на ея шеншила..

ВЪ ФИНЛЯНДИИ.

Зимнія акварели.

1.

На воздухѣ.

Пусть колокольчикъ пѣлъ подъ красною дугой
Такъ недогадливо и такъ немзыкально,
Но въ медленномъ плѣну дороги снѣговой
Мнѣ было безъ него достаточно печально.

Лошадка шла сама, не тронута возгой,
Въ вечерней тишинѣ уже тускнѣли дали,
И я не могъ простить, зачѣмъ я слишкомъ твой,
Когда твои глаза въ мои глядѣтъ—устали.

Ты кажется спала. Подъ шляпкой мѣховой
Я смутно различалъ лица изгибъ овальный,
А колокольчикъ пѣлъ подъ красною дугой
Такъ необдуманно и такъ немзыкально!

2.

Въ комнатѣ.

Тюльпаны желтые въ березовомъ горшкѣ
Поставлю я къ себѣ на узкое оконце.
Сосульки длинныя висятъ на желобкѣ:
Въ нихъ ночью спитъ луна, а днемъ гуляетъ солнце.

Въ веселой комнаткѣ одинъ я цѣлый день.
Смотрю на яркій снѣгъ, на сосны, на дорогу,
Читаю, если мнѣ писать бываетъ лѣнь,
И ночью, передъ сномъ, молюсь немного Богу.

Но не приходишь ты.. А еслибъ и пришла,
То будутъ ли тебѣ достаточно понятны
Упреки въ комнатѣ, которая свѣтла,
Гдѣ солнцемъ зажжены ликующія пятна?

Осень близко. Желтый листъ мелькаетъ,
И опять, до утренней зари,
Ранній вечеръ тихо зажигаетъ
Вдоль пустынныхъ улицъ фонари.

Облака такъ низко надъ землею,
Въ тихомъ залѣ скучно и темно,
И дожди минутные порою
Тяжело и рѣзко бьютъ въ окно.

Осень близко... Въ паркѣ, на озера,
На пруды заросшіе кругомъ,
Тихо рѣя, листья лягутъ скоро
Золотымъ и трепетнымъ ковромъ.

Зашуршатъ аллеи подъ ногами,
Бѣлыхъ астръ поблекнетъ красота,
Въ сѣрой дымкѣ, въ ласковомъ туманѣ
Дальній лѣсъ потонетъ, какъ мечта.

Новыхъ грезъ вернется мнѣ ошибка,
И опять,—и это мнѣ не жаль,—
Опьянитъ меня своей улыбкой
Старый другъ, осенняя печаль...

**МАЛЕНЬКУЮ МАРКИЗУ ОТВОЗЯТЬ ВЪ
МОНАСТЫРЬ.**

Ее всю ночь баюкало въ дормезѣ,
А рано утромъ кучеръ и лакей,
Съ поклономъ низкимъ, подарили ей
По самой яркой, самой красной розѣ.

Еще прохладой вѣяло въ лѣсу;
Изъ-подъ колесъ спасались гурьбою
Лягушки; длинный хлысть сбивалъ порою
Съ прозрачныхъ листьевъ яркую росу.

Въ жеманной рѣчкѣ отражались ивы;
Цвѣли луга; несло жужжанье пчель;
Спала деревня; у стѣны осель
Жеваль репейникъ и смотрѣлъ лѣниво...

Чтобъ выѣзти и чтобъ нарвать цвѣтовъ
На ярко синей, радостной полянкѣ,
Она щекочетъ шею гувернанткѣ
Прикосновеньемъ легкихъ лепестковъ.

Но та строга, неумолима даже:
«Намъ надо быть къ семи въ монастырѣ!
«Онъ тамъ, ты видишь,—слѣва, на горѣ».
И поправляетъ ленты на корсажѣ.

Ахъ да, она забыла!—ночью ей
Виконтъ приснился,—что за сонъ чудесный!
Онъ говорилъ: «маркиза, вы прелестны!»
И руки дѣловалъ ей до локтей.

А тутъ се на много лѣтъ запрячуть
Отъ этихъ всѣхъ загадочныхъ вещей,
Одѣнуть скверно и прикажутъ ей
Весь день молиться...—и маркиза плачетъ...

А въ гору медленно ползеть дормезъ;
Фруктовый садъ, стѣна, фонтанъ, ворота...
Подножка шелкнула; развѣяна дремота,
И падаютъ изъ рукъ стебли увядшихъ розъ...

И мать-игуменья встрѣчаетъ на дорожкѣ
Ту, что съ собой Мадоннѣ принесеть
Три тысячи французскихъ ливровъ въ годъ,
Вопросъ въ глазахъ и двѣ прелестныхъ ножки...

Прозрачное раннее утро дышало весенней прохладой,
Вершины деревьевъ горѣли подъ лаской луча золотого.
Онъ шелъ по заглохшимъ аллеямъ забытаго стараго
сада
Любимую женщину съ грустью увидѣть въ объятыхъ
другого.

Онъ зналъ ту аллею, въ которой они назначали
свиданья:
Тамъ гуще слетались вѣтви, тѣснѣе ложилися
тѣни,
И такъ безотчетно дарили неясное благоуханье
Акаціи желтыя грозди и бѣлыя вѣтки сирени.

И онъ ихъ увидѣлъ, гдѣ думалъ. Они говорили, и
внятно
Весеннее утро будили ихъ юныя, смѣлыя рѣчи;
А утро уже просыпалось, и вѣтеръ ласкалъ
ароматный
Ея непослушныя кудри, ея обнаженныя плечи.

Л Ъ Т О М Ъ.

Теоргины на кругломъ столѣ
Поблѣднѣли съ потухшимъ закатомъ...
Вы зйти обѣщали ко мнѣ
Съ севъ-бернаромъ и маленькимъ братомъ.

Я велѣлъ принести на балконъ
Старомодныя синія чашки.
Мой заброшенный садъ напоенъ
Ароматомъ некошенной кашки.

Этот милый минутный визитъ
Будетъ все же почти не визитомъ!
У меня шоколадъ и бисквитъ:
Двое младшихъ займутся бисквитомъ!

А для васъ... а для васъ у меня
Есть цвѣты небольшого букета,
Тихій вечеръ іюльскаго дня
И четыре неясныхъ сонета...

Будетъ тихо... Сквозь вѣтви березъ
Долетятъ монотонные стуки...
Сень-бернара обиженный носъ
Намъ уткнется въ сплетенныя руки...

Головенка съ большимъ хохолкомъ
Оторвется на мигъ отъ бисквита:
«Разскажи-ка еще миѣ, какъ гномъ
«Отъ колдуньи забрался въ корыто!»

Шелестъ листьевъ... Спадаетъ жара...
—Я забылъ всѣ рассказы про гнома!..
Но куда вы?—«Домой. Намъ пора.
Я давно обвѣщала быть дома.»

Сень-бернаръ отъ восторга хвостомъ
Опрокинетъ забытыя чашки.
Торопясь, мы пойдемъ вчетверомъ
По ковру темно-розовой кашки.

Мальчуганъ на изглоданномъ пнѣ
Сниметъ домикъ со скользкой улитки.
— О позвольте, пожалуйста, мнѣ
Проводить васъ до старой калитки!

Я открою... закрою... мелькнетъ
Вдалекѣ ваша шаль голубая...
Эта ночь,—она скоро придетъ...
— Добрый вечеръ, моя дорогая!

Въ саду, гдѣ май сверкалъ и гдѣ цвѣли цвѣты,
Въ аллеѣ, гдѣ сирень горѣла сказкой бѣлой,
Моей любви мучительно несмѣлой
Я вамъ сказалъ желанья и мечты.

И вы отвѣтили... Уже не «вы», а ты...
Но все прошло такъ быстро, такъ неожиданно...
Мы разошлись уже, когда въ саду туманномъ
Кружились первые осенніе листья...

Когда-то, чтобъ еще безумнѣй было счастье,
Весна коснулась насъ своей волшебной властью;
Теперь же осень грустно убрала

Листвою увидшею, эмблемой страсти дальней,
Аллею, по которой ты ушла,—
Чтобы разлука намъ была еще печальнѣй...

А. А. Таскину.

Закатъ былъ золотымъ, а ночь потомъ пришла
Такою медленной, такою странно синей..
И синяя печаль мнѣ на душу легла,
Какъ на душу пчелы умершей межъ глициній.

Почти-что хорошо. Не закрывая глазъ,
Живу какъ будто бы съ закрытыми глазами.
Я знаю, я вплету въ узоръ пѣвучихъ фразъ
Слова, которыя нельзя назвать словами.

Почти-что хорошо. Почти. И только жаль,
Что завтра будет то, чего сейчас не надо,
Что эта синяя, бездонная печаль
Уйдет из глаз моих, как эта ночь из сада;

Что завтра буду я опять, опять собой,
Что солнце медленно зажжет двѣты глициний,
И сердце вырвется разбуженной пчелой
Навстрѣчу золоту изъ этой сказки синей!

И хочется, чтобъ все окончилось не тѣмъ,
Чѣмъ кончиться должно, а новой, долгой тайной,
И чтобъ въ моихъ глазахъ осталась бы совѣмъ
Печаль, которая пока еще случайна...

Я боюсь: не такими мечтами,
Какъ мои небольшія мечты,
Въ своемъ сердцѣ, предутреннемъ храмѣ,
Засвѣтишь незажженное ты.

Я пришелъ для неяснаго счастья,
Я одной только сказки хочу,
Я хочу мимолетно, не властью,
Прикасаюсь къ душѣ и плечу.

Мнѣ казалось въ часы моей скуки,
Что о томъ же скучаешь и ты,
Что твои запрокинуты руки
Въ октябрѣ, когда вянуть листья.

Мнѣ казалось, что мягкаго тона
Тишина твоихъ платій и сновъ,
Что ты любишь угать, анемоны
И печаль моихъ длинныхъ стиховъ.

Мнѣ казалось... Мнѣ только казалось...
Мнѣ вѣрнѣе хотѣлось, чтобъ ты,
Какъ безоблачный день, отражалась
Въ синевѣ моей первой мечты.

Но потомъ я подумалъ: «А если
«Только грезамъ усталымъ моимъ
«Силуэтъ въ темно-розовомъ креслѣ
«Показался роднымъ и больнымъ?»

«Можетъ быть ты безмѣрно чужая?
«Можетъ быть ты печальна не тѣмъ?»
И съ тѣхъ поръ я боюсь... я не знаю...
Я моихъ не кончаю поэмъ...

И съ тѣхъ поръ начало мнѣ казаться,
Что ты стала иной, чѣмъ вчера:
Разучилась двѣтатъ улыбаться,
Забываешь грустить до утра.

Что ты хочешь чего-то другого,
Чѣмъ мои небольшія мечты,
Что обману красиваго слова
Отдаешься зачѣмъ-то и ты.

И пока я враждую съ собою
И гадаю, ты та или не та,—
Ты моею усталой рукою
Мной самимъ отъ меня заперта.

И я знаю теперь безвозвратно,
Что я больше не буду твоимъ:
Я мечталъ о слегка непонятномъ,
О желаньи, скользящемъ какъ дымъ;

Я мечталъ о простыхъ разговорахъ,
О букетахъ фіалокъ,—не розъ,
Объ одномъ только жестѣ, которымъ
Поправляютъ изгибы волосъ;

Объ улыбкахъ, какъ въ старомъ романѣ,
Въ позабытомъ, наивномъ саду...

—Я найду! въ этомъ русскомъ туманѣ
Я себѣ небольшое—найду!

УПРЕКЪ.

Ты иногда меня почти любила;
И не сердись: я говорю «почти».
А если ты забыла, то прочти
Въ моихъ глазахъ все то, что ты забыла.

Въ томительный и дрящійся узоръ
Не сплетены судьбою жизни наши.
Ты—отнята; но я изъ тѣхъ, чей взоръ
Допьетъ до дна святую горечь чашй.

Пусть будетъ такъ. Но страшень мнѣ недугъ
Моей души, привыкшей къ грезѣ вольной.
Мой дорогой, мой нехорошій другъ,
Мнѣ иногда бываетъ слишкомъ больно...

И медленно, но зная всѣ пути,
Въ мои глаза, покорные безсилью,
Приходить, чтобы больше не уйти,
Печаль любви, которой смяты крылья.

ПѢСНЯ РУССКАГО ПЬЕРО.

За модой небо не слѣдить,
И этой ночью, за опушками,
Свою улыбку утаить
Вуалью съ золотыми мушками...

И я, опаловый Пьеро,
Иду дорогой лунной, длинною,
И все кругомъ напоено
Моей печалью мандолинною:

И ночь, и звѣздъ падучихъ нить,
И садъ овѣянный жасминами...
Меня хотѣли не пустить
Тѣ, что скучаютъ съ Коломбинами!

Но я въ открытое окно
Ушелъ отъ винъ горящихъ блестками,
Чтобъ было мнѣ не все равно,
Какое небо за березками;

Чтобъ зацѣпилъ паукъ меня
Своей вечерней паутинкою,
Чтобы до завтрашняго дня
Я шелъ случайною тропинкою;

И чтобъ успѣлъ я гдѣ-нибудь,
Перебиваемый лягушками,
О томъ, что я люблю, шепнуть
Вуали съ золотыми мушками.

ВЪ САНАТОРИИ.

«Какъ снѣга на горахъ прозрачна пелена;
«Какъ медленно внизу туманы гасятъ дали;
«Давайте руку мнѣ... Дойдемте до окна...
«Но тише:—я боюсь, что вы уже устали...

«Не правда ль, хорошо сейчасъ летѣть стрѣлой
«На лыжахъ внизъ, въ оврагъ, и дальше, въ лѣсъ
лиловый?

«Мнѣ докторъ говорилъ, что этою весной
«Вы будете уже почти совсѣмъ здоровы.

«Теперь же надо ждать, и терпѣливо ждать,
«Подушку вышивать, просматривать журналы,
«И, главное, себѣ напрасно не внушать,
«Что будто бы вамъ жить осталось слишкомъ мало!»

...Какъ снѣга на горахъ прозрачна пелена!
Но медленно внизу туманы гасятъ дали,
И ночь придетъ. Совсѣмъ. Томительно темна
Для тѣхъ, которые быть можетъ не устали.

Какъ свѣчи, догоритъ послѣдній, тусклый часъ,
Уныло-долгій гонгъ напомнитъ объ обѣдѣ,
Внизу зажгутъ огни,—и я уйду отъ васъ
Печальной, маленькой въ своемъ пушистомъ пледѣ.

Мнѣ безконечно жаль сплетенныхъ этихъ рукъ,
Судьбою созданныхъ для женственной печали,
Для осторожныхъ встрѣчъ и медленныхъ разлукъ,—
Которыхъ никогда еще не цѣловали...

Проходятъ дни. Пройдутъ. Меня зовутъ дѣла,
И прежніе края, и та, что мнѣ писала,—
И тонкая рука, томительно бѣла,
Останется одна на складкахъ одѣяла.

А тамъ—придетъ весна. Въ послѣдній разъ свѣга
Зажгутся, чтобъ совѣмъ погаснуть. Вы найдете,
Что ночь мучительно и тягостно долга,
Что не заснете вы,—и вы. совѣмъ заснете...

Уйдете въ странный міръ, чьи яркія врата
Вамъ были ужъ давно необъяснимо зримы,
Гдѣ свѣтлыхъ ангеловъ откроются уста
Для поцѣлуя тѣмъ, кто не были любимы.

Пусть мечталъ я проститься съ тобой
Въ желтой рамкѣ осенняго сада;—
Мы простились въ гостиной, зимой;
И я понялъ, вернувшись домой,
Что не надо молиться,—не надо!..

Пусть я думалъ, что фразы разлукъ
Съ безконечною мукою дружны;—
Мы разстались такъ просто, мой другъ!..
И я понялъ съ улыбкою вдругъ,
Что не нужно бояться,—не нужно...

Пусть я думалъ, что долгую грусть
Моя жажда забыть успокоить;—
Но я помню еще наизусть
Этотъ сонъ... И я понялъ,—и пусть!—
Что не стоитъ бороться,—не стоитъ!..

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ ПЬЕРО.

Я медленно вошелъ въ непроходимый лѣсъ,
Я путь обратный свой отмѣтилъ яркимъ мѣломъ,
Но, раньше чѣмъ найти волшебный міръ чудесь,
Вернулся въ прежній садъ и умираю въ бѣломъ.

Зачѣмъ? Мнѣ кажется, что я бѣ еще сумѣлъ
И ярко проклинать, и горячо молиться;
А въ часъ, когда порывъ еще и юнъ и смѣлъ,
Такъ чудно хорошо, такъ нужно заблудиться!

И вотъ уже мнѣ жаль, что я не обреченъ
Найти нѣмой дворецъ, таинственно желанный,
Гдѣ спитъ красавица, чей одинокій сонъ
Навѣки разбудить и радостно и странно.

И вотъ уже мнѣ жаль, что синій мотылекъ
Меня не проводилъ до сказочнаго клада,
Что навсегда теперь остался мнѣ далекъ
Дворецъ изъ леденца и плитокъ шоколада;

Что съ Красной Шапкой, которой я не зналъ,
Я старой бабушкѣ не относилъ обѣда,
Надъ волкомъ не шутилъ и ночью не слышалъ,
Какъ точатся ножи въ избушкѣ Людоѣда!

**ПОЭМА О ШЕСТИ УТЯТАХЪ ЗАГЛОХШАГО
ПРУДА.**

Разсказанная Арлекиномъ, живущимъ въ старой
усадьбѣ вмѣстѣ съ Коломбиной и фоксъ-терьеромъ.

(Отрывокъ изъ «Свадебнаго путешествія Арлекина и Колом-
бины въ далекія русскія страны»).

У насъ—полдюжины утятъ,
Которые всѣ вмѣстѣ вѣсятъ
Не болѣе, чѣмъ женскій взглядъ,
Иль чѣмъ листокъ вотъ этихъ пѣсенъ.

Одѣты въ блѣдно-желтый пухъ,
Съ чернильной кляксой вмѣсто взгляда,
Они съ разсвѣта ловятъ мухъ
Въ прудѣ покинутаго сада.

Ихъ жизнь безумно хороша:
Нырять! Дышать тепломъ и свѣтомъ!
Но правда—въ каждомъ тѣлѣ этомъ
Есть грусть и, кажется, душа?

Я, Коломбина и собака—
Мы знаемъ каждого изъ нихъ:
Вотъ этотъ, жалкій, странно тихъ,
А тотъ—драчунъ и забіяка.

Тотъ—боленъ [нервы... діабэтъ...];
Онъ вѣчно платитъ дань страданьямъ
И удлиняетъ свой обѣдъ,
Лечась усиленнымъ питаньемъ.

Хромая, онъ для ловли мухъ
По сонной влагѣ дали водной
Присноровилъ большой лопухъ
Для роли яхты быстроходной.

Пусть корма полонъ садъ и дворъ:—
Морякъ въ душѣ, онъ ищетъ все же
Того, что на морской просторъ
Немного, можетъ быть, похоже.

Больной, далекий отъ всего,
Онъ такъ необъяснимо жалокъ!
И Коломбина для него
Кладетъ въ лопухъ букетъ фіалокъ.

Особнякомъ среди другихъ,
Четвертый съ пятымъ вѣчно вмѣстѣ,
И отношенія у нихъ
Почти какъ жениха къ невѣстѣ.

Но, позабывъ о всемъ другомъ,
Для дополненія картины,
Я расскажу вамъ о шестомъ,
Влюбленномъ въ ножку Коломбины.

Философъ съ желтымъ хохолкомъ,
Балетоманъ съ душой поэта,—
Онъ мало думаетъ о томъ,
Какъ непослушна ножка эта!

Онъ такъ наивенъ, онъ влюбленъ
Такъ просто, такъ безумно мило,
Что даже не мечтаетъ онъ,
Чтобъ и она его любила!

Онъ дѣльный день у милыхъ ногъ
Проводить, робкій и неловкій,
И третъ о шелковый чулокъ
Свою мохнатую головку.

Грустя, онъ сторожить чулки,
Когда хозяйка ищетъ броду,
И кляксою полною тоски
Глядитъ въ мелькающую воду.

Онъ утромъ пьетъ café-au-lait
Въ большой кровати, вмѣстѣ съ нами,
Онъ ночью спитъ въ ея туфлѣ
И душится ея духами.

И Коломбина такъ горда:
Она теперь почти-что Леда!
Вѣдь сердцу женскому всегда
Пріятна лишняя побѣда!

И только гдѣ-то подъ столомъ
Нашъ бѣлый фоксъ ворчитъ сердито,
И грусть собачья о быломъ
Въ глазахъ полужакрытыхъ скрыта.

Утенокъ! Милый! Ты укралъ
Отъ насъ немного Коломбины,
Но я... простилъ, а фоксъ не зналъ,
Что быть ревнивымъ нѣтъ причины!

Прелестный маленькій царекъ,
Соту коварнымъ опьяненный,
Съ душой таинственно-влюбленной
Въ гаремъ, чей евнухъ башмачекъ!..

Твои глаза любить сумѣли,
И я завидую тебѣ,
Твоей безоблачной судьбѣ,
Наивной, какъ тона пастѣли...

О, быть любимымъ,—только такъ...
Немного...—но безумно нѣжно!
Какъ ты, не зная, что каждый шагъ
Ведетъ къ тому, что неизбѣжно!

Не говорить красивыхъ фразъ,
Забыть, что существуютъ глазки,—
Чтобъ мѣръ кончался и для насъ
Гораздо ближе...—до подвязки!

Утенокъ,—ты богатъ мечтой
Для насъ почти недостижимой:
Мы ждемъ еще души отъ той,
Чей шагъ пройти не смѣть мимо...

Къ тебѣ же—всѣ твои мечты
Бѣгутъ по узенькой дорожкѣ...
О, какъ хотѣлъ бы я, какъ ты,
Влюбленнымъ быть въ однѣ лишь ножки!

П Е Р Е В О Д Ы.

ИЗЪ РОБЕРТА СТИВЕНСОНА

(Songs of Travel. XXII).

Я вверхъ и внизъ ходилъ на жизненномъ пути;
Я отдалъ дань всему: сомнѣнiю и вѣрѣ.
Я обо всемъ мечталъ, всему сказалъ прости.
— **Я** жилъ, и я любилъ, и я захлопнулъ двери...

ИЗЪ А. де РЕЪНЕ.

ИЗЪ КНИГИ «LE MIROIR DES HEURES».

1.

Какой романскій принцъ иль сумрачный прелать,
Наскучивъ сплетнями двора или конклава,
Вокругъ дворцовъ своихъ громады величавой
Искусною рукой раскинулъ этотъ садъ?

О чемъ мечталъ онъ здѣсь сто лѣтъ тому назадъ?
О призракѣ любви, о блескѣ прежней славы?
Воспоминаньями борьбы или забавы
Туманился порой его потухшій взглядъ?

Кто знаетъ! Но въ тѣни покинутаго сада,
Въ аллеяхъ, гдѣ царить безмолвье и прохлада,
Осталась чья-то грусть и чей-то вздохъ нѣмой.

И лѣтнимъ вечеромъ такъ нѣжно и печально
Сливаются въ аккордъ мелодіи одной
Фонтановъ тихій плескъ и листьевъ шелестъ дальній.

2.

Сегодня вѣтеръ съ моря; онъ порой,
Какъ торопящійся прохожій, васъ толкаетъ.
Лагуна мечется и въ берегъ ударяетъ
Тяжелой, темною и гнѣвною волной.

На узкой площади и звонъ, и свистъ, и вой;
Пустой сарай къ дворцу пугливо припадаетъ;
Борей разсерженный сегодня сна не знаетъ
И въ морѣ паруса склоняетъ предъ собой.

Когда-то, если вихрь вздымалъ сѣдые гребни,
Твой левъ, Венеція, разсерженный и гнѣвный,
Надъ этой бездной водъ стоялъ, смотря впередъ.

Но что ему теперь ихъ ласка или смятенье!—
Венеція не ждетъ, какъ прежде, возвращенья
Пурпуровыхъ галеръ по влагѣ пѣнныхъ водъ!

ИЗЪ А. де РЕНЬЕ.

ИЗЪ КНИГИ «LES JEUX RUSTIQUES ET DIVINS»

М. С. Савичъ.

1.

Намекъ о Нарциссѣ.

Фонтанъ!—къ тебѣ пришелъ ребенокъ и, въ томленьи
Онъ умеръ, своему повѣривъ отраженью,
Когда губами онъ твоихъ коснулся водъ.
Въ вечернемъ сумракѣ вдали свирѣль поеть...
Тамъ гдѣ-то дѣвушка, одна, срывала розы
И вдругъ заплакала... итти усталъ прохожій...
Темнѣеть... крылья птицъ махаютъ тяжелѣй;
Въ покинутомъ саду плоды съ густыхъ вѣтвей
Неслышно падаютъ... и я въ водѣ бездонной
Себѣ явился вдругъ такъ странно отраженный...
Не потому ль, фонтанъ, что въ этотъ самый часъ,
Быть можетъ навсегда, въ тебѣ самомъ угасъ,
Дерзнувъ до губъ своихъ дотронуться губами,
Волшебный юноша, любимый зеркалами?

Подруга, берегись фессалиянки той,
Что съ флейтой звонкою вечернею порой
Склоняется одна надъ сонными струями.
Ты золото вилела небрежными руками
Въ узоръ моихъ часовъ; но прежде, чѣмъ любить
Тебя, я долженъ былъ такъ долго проходить
Лѣсами темными и страшными, не зная,
Что встрѣчу, яркая и нѣжная, тебя я!
Я, мнившій, что навѣкъ всѣхъ розъ узоръ поблекъ,
Я слушалъ голосъ тотъ, что быть твоимъ не могъ!
Подруга, берегись волшебницы чудесной!
Ей злыя колдовства и таинства извѣстны;
И я видалъ въ лѣсу, однажды, какъ она
Плясала, съ флейтою въ зубахъ, обнажена;
И какъ она въ хлѣву, гдѣ козы спятъ устало,
Доила молоко тайкомъ и украшала
Крапивою терпкой чернаго козла,
Который и тогда, когда она ушла, —
Вдыхалъ ее еще неувидимо, словно
Любовь моя, ее вдыхавшая грѣховно.

Фонтанъ рыдалъ весь день въ лѣсу моей мечты.
О, зналъ ли я, душа, что будешь плакать ты?
Но вотъ вернулся я, и скоро вечеръ. Розы
Не обвиваютъ кипарисовъ, что какъ слезы
Ночныя отражаются въ водѣ.
Та нимфа, что ловила въ темнотѣ
Оленя стройнаго съ рогами золотыми,—
Отъ фавна скрылась здѣсь подъ вѣтками густыми;
И раненый олень пришелъ испить къ водѣ,
Въ которой я порой кажусь себѣ
Чужимъ, и я въ твоихъ свои рыданья слышу,
Фонтанъ! и этотъ лѣсъ, гдѣ вѣтеръ листь колышетъ,
Былъ жизнью, гдѣ я далъ охотиться мечтамъ,
По трижды окровавленнымъ шипамъ,
За нимфой гнавшейся за сказочнымъ оленемъ...
И ты, фонтанъ, сквозь плачь смѣялся нашимъ пенямъ,
Межъ кипарисовъ, на которыхъ нѣтъ
Тѣхъ розъ, что посвятить могли бы свой букетъ
Водѣ, гдѣ кровь свою таинственно смѣшали
И Нимфа, и Олень, и Пилигримъ печали...

Ни яркіе цвѣты, ни тихій зовъ свирѣли,
Которой говоритъ мои уста умѣли,
Ни пряники медовые въ тѣни
Корзины круглой, ни голубка, ни
Заманчивый вѣнокъ, что для нея плету я,—
Не привлекли ко мнѣ фавнессу молодую,
Что пляшетъ на опушкѣ, при лунѣ.
Она обнажена. Въ волосъ ея волнѣ
Оттѣнокъ рыжеватый. И мнѣ ясно,
Что сладость пряниковъ ей кажется опасна,
И мщенье дикихъ пчель за медъ—ее страшить;
А въ памяти ея голубка воскресить
Какой-то прежній часъ, во мракѣ бывший бѣлымъ...
И пѣнье флейты той, которая несмѣло
Разсказываетъ ей желанія мои—
Напоминаетъ ей о брошенной въ пыли,
Обвѣтренной, отеческой и славной
Сатира кожѣ или шкурѣ фавна.

5.

Мой конь, крылатый конь, въ густой тѣни дремалъ.
 Движеніемъ хвоста порой онъ задѣвалъ
 Траву. И остриемъ моей блестящей пики
 Его коснулся я, и конь поднялся дикій,
 И повернувшись на востокъ — заржалъ.
 И на него верхомъ вскочилъ я и сказалъ:
 Идемъ, уже заря, и часъ разсвѣта близокъ!
 Я знаю шумъ дорогъ и тишину тропинокъ,
 Гдѣ камни катятся иль стелется трава.
 Идемъ, насъ ждуть лѣса и моря синева,
 И тотъ фонтанъ, гдѣ пить мы будемъ въ часъ

заката,

И сказочный дворецъ, гдѣ въ стойлахъ изъ агата
 Хрустящій, золотой тебѣ готовятъ кормъ...
 — И мы отправились, Пегасъ! Но съ этихъ поръ,
 Горя въ часы зари и къ ночи потухая,
 Мы остановлены дверьми, что не сломаютъ
 Удары мощные божественныхъ копытъ.
 Засововъ и замковъ рѣзныхъ не сокрушить
 Ударъ моей руки и пики, и напрасно,
 Отъ шеи до колѣнъ омытый пѣной красной,
 Ты бьешься объ утесъ преграды роковой,
 И отъ разсвѣтныхъ зорь до темноты ночной
 Вздыхаешь въ бѣшенствѣ мучительныхъ усилій
 То мракъ, то золото своихъ разбитыхъ крылій!

СОДЕРЖАНИЕ.

III.

Печаль моихъ стиховъ я посвятилъ давно .	47
У Музы моей золотистыя кудри	49
Въ Финляндіи: 1) на воздухѣ	52
2) въ комнатѣ	53
Осень близко	54
Маленькую маркизу отвозятъ въ монастырь	56
Прозрачное раннее утро дышало весенней прохладой	58
Лѣтомъ	60
Въ саду, гдѣ май сверкалъ	63
Закатъ былъ золотымъ	64
Я боюсь: не такими мечтами	66
Упрекъ	69
Пѣсня русскаго Пьеро	70
Въ санаторіи	72
Пусть мечтаю я	74
Послѣдняя пѣснь Пьеро	75
Поэма о шести утятѣхъ заглохшаго пруда .	77

ПЕРЕВОДЫ.

Изъ Р. Стивенсона	85
Изъ А. де Ренье: изъ книги: „Le Miroir des Heures“	86
Изъ А. де Ренье: Изъ книги: „Les Jeux Ru- stiques et Divins“	88

ТОГОЖЕ АВТОРА.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- 1) А. де Ренье. Сельскія и Божественныя Игры, часть I (флейты Апрѣля и Сентября). Переводъ.
 - 2) Свадебное путешествіе Арлекина и Коломбины въ далекія русскія страны.
-